

Альтер М.

**Квартира с
видом на
помойку**

Альтер М.

Квартира с видом на помойку

<https://litres.ru/74635307>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семья Гнездиловых переезжает в новостройку спального района. Вскоре они обнаруживают, что мусоропровод — не просто труба для отходов, а портал, который питается человеческими грехами и страхами. Голоса из шахты называют имена и даты смертей. Чтобы спасти себя и соседей, Андрей Гнездилов спускается в подzemелье, где находит древнее чудовище, которое не убивает — оно просто голодно. Это история о страхе, который кормит тьму, и о любви, которая способна её усыпить.

Содержание

Глава 1. Новоселье	4
Глава 2. Чужие стены	27
Глава 3. Город, который помнит	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Альтер М. Квартира с видом на помойку

Глава 1. Новоселье

Переезд выдался хлопотным, как, впрочем, и любой переезд, затеянный людьми, которые прожили вместе пятнадцать лет и успели обзавестись не только совместным бытом, но и целым складом взаимных обид, воспоминаний и коробок с позабытым содержимым. Андрей Сергеевич Гнездилов, мужчина сорока двух лет, с начинающей седеТЬ бородой и усталыми глазами человека, привыкшего решать чужие проблемы за скромное вознаграждение, стоял посреди гостиной новой квартиры и с тоской взирал на гору картонных коробок, возвышавшуюся едва ли не до потолка. Пахло краской, свежим бетоном и той неуловимой смесью строительной пыли и надежды, которая всегда сопровождает новоселье.

— Ну что, Андрюша, — раздался голос жены из кухни, — чайник я уже нашла. Сейчас будет тебе счастье. Главное — не садись на коробку с надписью «хрупкое», я туда сервиз упаковала.

Елена Гнездилова, женщина с мягкими чертами лица и упрямой складкой между бровями, которую годы совместной жизни не смогли разгладить, но зато научили маскировать улыбкой, хлопотала на кухне. Ей было тридцать восемь, и она свято верила, что смена обстановки способна исправить то, что не поддаётся исправлению годами. Новая квартира, новый район, новые стены — всё это должно было стать началом чего-то светлого, чистого, свободного от старых долгов и старых ссор.

Их дочь, Варя, девочка тринадцати лет с острым взглядом и привычкой замечать то, что взрослые предпочитают не видеть, уже исследовала свою комнату. Оттуда доносился стук — она проверяла, всё ли в порядке с подоконником, и одновременно прикидывала, как расставит мебель, чтобы комната стала похожа на крепость, в которую не проникнут ни родительские ссоры, ни школьные неприятности.

Квартира располагалась на четвёртом этаже семнадцатизэтажного дома, возведённого на месте снесённых пятиэтажек в одном из бесконечных спальных районов, где дома-близнецы стояли рядами, как солдаты на плацу, и лишь номера корпусов отличали один от другого. Район был новый, но уже обжитой — кое-где на балконах сушилось бельё, во дворах играли дети, а у подъездов курили мужчины в тренировочных штанах, обсуждая извечные вопросы бытия: кто виноват и что делать с управляющей компанией.

Вид из окон квартиры открывался на просторный двор,

заставленный припаркованными автомобилями, и на площадку для сбора мусора, где стояли контейнеры, выкрашенные в жизнерадостный зелёный цвет. За контейнерами возвышался бетонный забор, отделявший двор от пустыря, за которым начиналась промзона — серые коробки складов и ангаров, дымившие в небо тонкими струйками.

— Ну и вид, — пробормотал Андрей, подходя к окну. — Прямо курорт. Пять звёзд.

— Зато не слышно соседей, — отозвалась Елена из кухни. — И метро близко. Двадцать минут пешком. Ты сам говорил, что это важно.

Андрей не стал напоминать, что двадцать минут пешком по утрам — это одно, а двадцать минут пешком вечером, после работы, когда ноги гудят от усталости, — совсем другое. Он вообще в последнее время старался поменьше напоминать жене о своих словах, сказанных в запале или в усталости. Слишком часто эти напоминания превращались в ссоры, а ссоры — в долгое молчание, которое было тяжелее любых слов.

Квартира досталась им по наследству от тётки Андрея, женщины одинокой и странноватой, которая умерла тихо и незаметно, как и жила, оставив после себя лишь эту новостройку, купленную на склоне лет, и стопку квитанций, аккуратно перевязанных бечёвкой. Андрей не был близок с тёткой, но смерть её воспринял как знак — возможно, последний шанс изменить жизнь, начать заново, вдали от ста-

рого района с его тесными дворами и въедливыми соседями, знавшими о тебе больше, чем ты сам.

Ремонт делали наспех, экономя каждую копейку. Обои выбрали самые простые, светлые, чтобы визуально расширить пространство. Мебель перевезли старую, но кое-что купили новое — диван в гостиную, шкаф в спальню, письменный стол для Вари. Вещи ещё не нашли своих мест, и квартира казалась чужой, как гостиничный номер, в который вселился постоялец, не уверенный, что задержится здесь дольше недели.

Первый вечер прошёл в распаковке коробок и спорах о том, куда поставить шкаф — к стене или к окну. Спор был незначительный, но за ним угадывалось что-то большее — старая привычка искать в мелочах повод для выяснения отношений. Варя, устав от родительских препирательств, ушла в свою комнату и закрыла дверь. Елена, вздохнув, принялась мыть посуду на новой кухне, где всё блестело и пахло заводской свежестью. Андрей вышел на балкон, закурил и посмотрел вниз, на площадку с мусорными контейнерами.

Было уже темно. Фонари отбрасывали на асфальт жёлтые пятна света, в которых кружились мотыльки. Пустая площадка казалась дырой в пространстве, провалом, куда стекались тени. Андрей докурил, бросил окурочок в банку из-под консервов, которую приспособил под пепельницу, и вернулся в комнату.

Ночью он проснулся от странного звука. Сначала ему

показалось, что это ветер — в новостройках часто гуляют сквозняки, находя щели в негерметичных стыках панелей. Но звук был ритмичным, словно кто-то ворочался в тесной камерке, задевая локтями стены. Андрей прислушался. Звук шёл со стороны коридора, где располагался мусоропровод — узкий металлический люк, прикрытый откидной крышкой, за которой скрывалась чёрная пасть, ведущая вниз, к контейнерам во дворе.

Андрей встал, стараясь не разбудить жену. Елена спала чутко, но усталость последних дней взяла своё, и она лишь повернулась на другой бок, пробормотав что-то неразборчивое. Андрей вышел в коридор. В темноте мусоропровод казался чёрным прямоугольником, выделявшимся на фоне светлых обоев. Звук прекратился. Тишина стояла такая, что слышно было, как капает вода в ванной — старый смеситель, который они собирались заменить, но так и не заменили.

Андрей постоял минуту, другую, потом вернулся в постель. Утром он решил, что ему померещилось. Мало ли что может померещиться человеку, который три дня подряд таскал коробки и не спал больше пяти часов в сутки.

На следующий день жизнь вошла в привычную колею. Андрей уехал на работу — он служил в страховой компании, разбирался с клиентами, которые пытались получить выплаты за ущерб, нанесённый то затоплением, то пожаром, то неведомыми силами, которые они называли то судьбой, то злым роком. Елена занялась распаковкой оставшихся коро-

бок, а Варя отправилась в новую школу, где её встретили настороженно, как встречают любую новенькую — с любопытством, смешанным с опаской.

Вечером, когда семья собралась за ужином, Варя сказала: — У нас в подъезде странный запах. Как будто что-то гниёт.

— Это мусоропровод, — отозвалась Елена, разливая чай. — В новостройках всегда так. Пока не прочистят, будет пахнуть.

— Нет, не мусоропровод, — упрямо сказала Варя. — Я знаю, как пахнет мусор. Это другое. Как будто... как будто кто-то умер.

Андрей поднял глаза от тарелки. Девочка смотрела на него серьёзно, без тени улыбки. В её взгляде было что-то взрослое, пугающее, и Андрей почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Не говори ерунды, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Никто не умер. Это старый дом, здесь давно никто не жил. Запах выветрится.

Варя не стала спорить, но по её лицу было видно, что она осталась при своём мнении. Елена посмотрела на мужа, потом на дочь, и на её лице появилось выражение, которое Андрей хорошо знал, — выражение человека, который чувствует приближение беды, но не может её предотвратить.

Ночью звук повторился. На этот раз он был громче, отчётливее. Андрей лежал с открытыми глазами, вслушиваясь в

темноту. Звук шёл из мусоропровода — это было несомненно. Кто-то — или что-то — скребся о металлические стенки, словно пытаясь выбраться наружу. Потом послышался голос. Тихий, хриплый, он бормотал что-то неразборчивое, как бормочет человек в бреду или в молитвенном экстазе.

Андрей рывком сел на кровати. Елена проснулась, посмотрела на него с испугом.

— Что случилось? — прошептала она.

— Ты слышишь? — так же шёпотом спросил Андрей.

Елена прислушалась. Голос за стенкой затих, сменившись глухим стуком, словно что-то тяжёлое упало на дно шахты.

— Это соседи, — сказала она, но в её голосе не было уверенности. — Может, у них что-то упало.

— Соседи спят, — ответил Андрей. — И потом, это не звук упавшего предмета. Это...

Он не договорил. Слова застряли в горле, потому что он не знал, как назвать то, что услышал. Голос? Шёпот? Стон? Это было что-то среднее, что-то, что не имело названия в обычном человеческом языке.

Они просидели до утра, не смыкая глаз. Когда рассвело, Андрей подошёл к мусоропроводу и открыл крышку. Из чёрной пасти пахнуло холодом и сыростью. Запах был странный — не мусорный, не гнилостный, а какой-то затхлый, как из старого подвала, где годами не ступала нога человека. Андрей захлопнул крышку и отошёл.

Днём он попытался забыть о ночном происшествии. Рабо-

та, звонки, отчёты — всё это вытеснило ночные страхи, загнало их в дальний угол сознания. Но вечером, вернувшись домой, он увидел, что жена и дочь сидят в гостиной с бледными лицами и молчат.

— Что случилось? — спросил он, чувствуя, как внутри всё сжимается от дурного предчувствия.

— Мы слышали голоса, — сказала Елена. — Днём. Из мусоропровода.

— Днём?

— Да. Я мыла посуду, и вдруг... — она замолчала, подбирая слова. — Сначала я подумала, что это радио. Кто-то из соседей включил на полную громкость. Но потом поняла, что голос идёт из стены. Из мусоропровода.

— Что он говорил?

— Он жаловался, — ответила Варя. — Жаловался на жизнь. Говорил, что его никто не любит, что он никому не нужен, что все его бросили.

Андрей посмотрел на дочь. Девочка была серьёзна, как никогда. В её глазах не было страха — было любопытство, то самое любопытство, которое, как знал Андрей, может довести до беды.

— Это чей-то ребёнок, — сказала Елена. — Может, кто-то из соседей оставил ребёнка одного, и он играет у мусоропровода?

— Днём? — переспросил Андрей. — В подъезде? Один? Он сам не поверил в своё объяснение. Слишком много

было несообразностей. Но он не хотел думать о другом объяснении, потому что другое объяснение было хуже.

Ночью голоса вернулись. На этот раз они были отчётливее. Андрей лежал в постели, прислушиваясь, и различал отдельные слова.

— ...никогда не любила меня... — бормотал голос.
— ...всю жизнь попрекала... куском хлеба...

Это был женский голос, старческий, дребезжащий, полный обиды и горечи. Андрей похолодел. Он узнал этот голос. Это был голос его тётки, той самой, которая оставила им квартиру.

— ...сдохну, и никто не заплачет... — продолжал голос.
— ...никому не нужна... никому...

Андрей лежал, боясь пошевелиться. Елена рядом тоже не спала — он слышал её дыхание, частое и прерывистое. Она тоже узнала голос. Она тоже поняла, что это не соседи и не радио.

Утром они собрались на кухне, пили чай и молчали. Первым заговорил Андрей.

— Надо что-то делать, — сказал он.

— Что? — спросила Елена. — Вызвать полицию? Сантехника? Священника?

— Не знаю. Но так продолжаться не может.

Варя, сидевшая у окна с чашкой чая, вдруг сказала:

— Я читала в интернете. Про такие дома. Говорят, что мусоропровод — это как портал. Туда уходят все людские

грехи. И если их накопится слишком много, они начинают возвращаться.

Андрей посмотрел на дочь. В её словах была какая-то дикая, нелепая логика, но он не мог отмахнуться от них. Слишком много странного произошло за последние дни.

— Это сказки, — сказал он. — Интернет полон выдумок. — А голоса? — спросила Варя. — Тоже выдумки?

Андрей не нашёлся что ответить.

Ночью он решил провести эксперимент. Он взял фонарик и вышел в коридор. Голоса уже звучали — тихие, переплетающиеся, как змеи в клубке. Андрей подошёл к мусоропроводу и приложил ухо к холодному металлу. Голоса стали громче. Теперь он различал несколько — мужской, женский, детский. Они говорили одновременно, перебивая друг друга, жалуясь, плача, проклиная.

— ...он меня ударил... — говорил женский голос. — ...я не хотела... я не хотела...

— ...я не виноват... — вторил мужской. — ...так получилось... я не хотел...

— ...мама, забери меня... — плакал детский. — ...мне страшно... здесь темно...

Андрей отшатнулся. Фонарик дрожал в его руке. Он понял, что эти голоса — не просто звуки. Это были люди. Или то, что от них осталось. Их грехи, их страхи, их боль. Всё то, что они прятали от других и от самих себя, всё то, что они сбрасывали в мусоропровод, как ненужный хлам, — всё это

жило здесь, в темноте, и росло, набирало силу.

Он вернулся в спальню и разбудил жену.

— Надо уезжать, — сказал он. — Немедленно. Завтра же.

— Куда? — спросила Елена. — У нас нет другого жилья.

Нет денег на съём. Мы всё вложили в этот ремонт.

— Я не знаю. Но оставаться здесь нельзя.

Елена посмотрела на него долгим взглядом. В её глазах был страх, но была и решимость.

— Хорошо, — сказала она. — Завтра я начну искать варианты.

Но на следующий день ничего не изменилось. Андрей уехал на работу, Елена занялась домашними делами, Варя пошла в школу. Жизнь продолжалась, как будто ночные кошмары были всего лишь сном. Но вечером, когда Андрей вернулся, он увидел, что жена сидит на полу в коридоре, прижавшись спиной к стене, и смотрит на мусоропровод широко раскрытыми глазами.

— Он назвал имя, — прошептала она. — Он назвал имя и дату.

— Какое имя? — не понял Андрей.

— Соседа. Из шестой квартиры. Он сказал, что тот умрёт в четверг.

Андрей почувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Кто сказал?

— Мусоропровод. Голос. Он сказал: «Николай Петрович, шестьдесят два года, четверг, остановка сердца».

Андрей опустил на колени рядом с женой. В голове было пусто, как в той чёрной пасти мусоропровода. Он не знал, что делать. Он не знал, кому верить. Он не знал, как защитить свою семью от того, что жило в стенах их нового дома.

А голос из мусоропровода продолжал говорить. Он называл имена. Он называл даты. Он ждал.

И где-то в глубине души Андрей понимал, что это только начало. Что мусоропровод не просто говорит. Он питается. И чтобы он не вырвался наружу, чтобы он не выплюнул всё то, что накопилось в нём за годы, его нужно кормить. Регулярно. Постоянно. Людьми.

Но об этом он ещё не знал. Пока не знал. Андрей помог жене подняться. Руки у неё были холодные, как металл мусоропровода, и дрожали мелкой дрожью, которую она не могла остановить. Он довёл её до кухни, усадил на табурет, налил воды. Елена выпила несколько глотков, но чашка всё равно ходила ходуном в её пальцах, расплёскивая воду на стол.

— Ты уверена, что расслышала правильно? — спросил он, хотя сам знал, что такие вещи не мерещатся и не слышатся по ошибке. Слишком отчётливым был голос. Слишком конкретным было имя. Слишком точной была дата.

— Николай Петрович, — повторила Елена, глядя в стену перед собой. — Шестая квартира. Четверг. Остановка сердца. Он сказал это трижды. Как будто хотел, чтобы я запомнила.

— Может, это совпадение. Может, у них там радио игра-

ло, или телевизор...

— Андрей, — Елена подняла на него глаза, и в них было столько отчаяния, что он осёкся. — Я слышала этот голос. Он говорил из стены. Из мусоропровода. Он говорил медленно, с расстановкой, как диктор. И знаешь, что самое страшное? Он говорил так, будто радовался.

Андрей вышел в коридор. Мусоропровод молчал. Чёрная крышка была плотно закрыта, и ничто не выдавало того, что за ней скрывается нечто живое, говорящее, мыслящее. Он приложил ладонь к холодному металлу. Тот был ледяным, как лёд, — хотя в квартире топили, и батареи в комнатах были горячими, как печки. Здесь же, у мусоропровода, стоял холод, будто из открытого погреба.

Варя вышла из своей комнаты. Она услышала разговор родителей и теперь стояла в дверях, бледная, с закушенной губой. На ней была пижама с нарисованными совами, и в этой пижаме она казалась совсем маленькой, беззащитной, как птенец, выпавший из гнезда.

— Мама, — сказала она тихо. — Оно назвало имя Николая Петровича?

Елена кивнула.

— А ты знаешь, кто это?

— Знаю, — Варя подошла ближе, обняла себя за плечи. — Это тот дядечка, который живёт под нами. Из шестой. Он мне вчера помог дверь подъезда открыть, когда я из школы шла. У него ещё ключи из кармана выпали, и он их долго

искал. Я ему посветила телефоном. Он сказал, что у него зрение плохое, но очки он потерял, а новые купить всё не может. Потому что пенсия маленькая.

Андрей почувствовал, как что-то сжалось в груди. Николай Петрович был не просто именем, не просто строчкой из списка. Это был живой человек. Старик с плохим зрением, который потерял очки и не мог купить новые. Человек, который помог девочке открыть дверь. Человек, которого мусоропровод приговорил к смерти.

— Мы должны его предупредить, — сказала Варя.

— Как? — спросил Андрей. — Что мы скажем? «Здравствуйте, мы ваши новые соседи сверху. Тут такое дело — мусоропровод в нашем подъезде предсказывает смерти. И он сказал, что вы умрёте в четверг»?

— Но если мы ничего не скажем, он умрёт!

— Мы не знаем, сбудется ли это, — возразил Андрей, хотя сам не верил своим словам. — Может, это просто... шум. Галлюцинация. Массовая галлюцинация.

— У нас у всех одинаковая галлюцинация? — тихо спросила Елена. — И мы все слышали одно и то же имя, одну и ту же дату, одну и ту же причину? Так не бывает, Андрей.

Он это понимал. Понимал, что все разумные объяснения рассыпаются, как карточный домик, стоит лишь слегка надавить на них логикой. Но признать это означало признать, что мир устроен не так, как он привык думать. Что за стенами обычной квартиры, в обычном спальном районе, скрывается

нечто, не поддающееся никакому объяснению.

До четверга оставалось три дня. В понедельник они ещё могли убеждать себя, что всё обойдётся. Во вторник Андрей поймал себя на том, что прислушивается к каждому шороху в подъезде. В среду Елена не выдержала и спустилась на этаж ниже, к шестой квартире. Она стояла перед дверью, обитой старым дерматином, и не решалась позвонить. Что она скажет? Как объяснит свой визит? В конце концов, она повернулась и ушла, так и не нажав кнопку звонка.

В ночь со среды на четверг голоса стали громче. Они звучали не только из мусоропровода — они, казалось, шли отовсюду: из стен, из пола, из вентиляционных решёток. Андрей лежал, вцепившись в одеяло, и слушал.

— ...осталось немного... — бормотал один голос. — ...скоро он придёт... скоро...

— ...мы ждём... — вторил другой. — ...мы всегда ждём... мы голодны...

— ...он не хотел умирать... — шептал третий. — ...но мы не спрашиваем... мы просто берём...

Елена плакала беззвучно, уткнувшись лицом в подушку. Варя сидела в своей комнате, включив свет, и читала книгу, пытаясь заглушить голоса привычным миром букв и страниц. Но и там, между строк, ей чудился шёпот.

Утром в четверг Андрей ушёл на работу, хотя каждая клетка его тела кричала, что нужно остаться. Остаться, чтобы быть рядом с семьёй, чтобы защитить, чтобы... что? Он

не знал, что он может сделать. Он не знал, как остановить то, что происходило. Он чувствовал себя беспомощным, как человек, стоящий на берегу и наблюдающий за тонущим кораблём.

Днём ему позвонила Елена. Голос у неё был странный — не испуганный, а какой-то пустой, как будто она уже выплакала все слёзы и осталась только оболочка.

— Он умер, — сказала она. — Николай Петрович. Час назад. Сердечный приступ. Скорая приехала, но было уже поздно.

Андрей стоял посреди офиса, прижав телефон к уху, и смотрел на коллег, которые сновали туда-сюда с бумагами и чашками кофе, обсуждали проекты, смеялись над шутками. Обычная жизнь. Обычные люди. А в это время в доме, который он считал своим, мусоропровод назвал имя, и человек умер.

— Я приеду, — сказал он. — Немедленно.

Дома пахло валерьянкой и чем-то ещё — сладковатым, тяжёлым, как будто в квартире долго держали увядшие цветы. Елена сидела на диване, укутавшись в плед, хотя в комнате было тепло. Варя была рядом, прижавшись к матери, и в её глазах застыл ужас, который бывает у детей, впервые столкнувшихся со смертью.

— Это оно, — сказала Варя, когда Андрей вошёл. — Это мусоропровод его убил. Я знаю.

— Не говори так, — сказал Андрей, но голос его звучал

неубедительно даже для него самого. — Люди умирают. Особенно в возрасте. Это нормально.

— Он не был больным, — возразила Варя. — Он был старым, но не больным. Он ходил, разговаривал, улыбался. А теперь его нет. И оно знало. Оно знало заранее.

Андрей не нашёл что ответить. Он сел рядом с женой и дочерью, и они просидели так до вечера, не включая свет, не разговаривая, просто держась друг за друга, как будто могли защититься от того, что жило в стенах их дома.

Вечером голоса вернулись. Но теперь они были другими. Они не жаловались. Они не плакали. Они смеялись.

— ...хорошо... — бормотал голос. — ...сытно... давно так не было... давно...

— ...ещё... — вторил другой. — ...мы хотим ещё... дайте нам ещё...

— ...он был не очень вкусный... — сказал третий. — ...много горечи... много обиды... но мы съели... мы всегда едим...

Андрей слушал это, и его мутило. Он понял, что голоса говорят о Николае Петровиче. О его смерти. О его боли. Они питались ею. Они насытились. И теперь требовали ещё.

На следующий день, в пятницу, голоса назвали новое имя. На этот раз это была женщина из девятой квартиры — Тамара Ивановна, пятидесяти восьми лет, суббота, инсульт. Андрей узнал это имя. Тамара Ивановна была той самой соседкой, которая первая пришла к ним знакомиться, принес-

ла пирог с капустой и долго рассказывала о том, как тяжело жить в новостройке, где всё скрипит и не работает. Она была доброй, суетливой, немного наивной. И мусоропровод приговорил её к смерти.

— Мы не можем это допустить, — сказала Елена. На этот раз в её голосе была не паника, а решимость. — Мы должны что-то сделать.

— Что? — спросил Андрей. — Предупредить её? Она нам не поверит. Она подумает, что мы сумасшедшие.

— Тогда мы должны остановить это. Найти способ.

Андрей задумался. Он вспомнил слова Вари про портал. Про грехи, которые накапливаются и требуют выхода. Про то, что мусоропровод нужно кормить. Кормить... кем? Или чем?

— Может, — начал он медленно, — мы можем дать ему что-то другое? Не людей, а... что-то ещё? Свои грехи? Свои страхи?

— Мы уже даём, — сказала Варя. — Мы все сбрасываем туда мусор. Но мусор — это не грехи. Грехи — это то, что мы прячем от других. То, за что нам стыдно. Мы не выбрасываем это в мусоропровод. Мы прячем это в себе.

— А он берёт это сам, — продолжила Елена, и в её глазах появилось понимание. — Он берёт это из нас. Из всех жильцов. Мы даже не замечаем, как он это делает. Он высасывает наши грехи, нашу боль, наши страхи. И растёт. И когда набирает силу, он начинает говорить. И требовать.

— Требовать смерти, — закончил Андрей.

Они замолчали. В воздухе повисла тяжёлая, давящая тишина. За окном темнело, и в сумерках двор казался чужим и враждебным. Мусорные контейнеры стояли на площадке, как часовые, и в их зелёных боках отражались огни фонарей.

— Значит, надо его не кормить, — сказала Варя. — Надо перестать прятать. Надо признаться. Всем. Во всём.

— Это невозможно, — покачал головой Андрей. — Люди не признаются. Люди прячут. Так устроен мир.

— Тогда он не остановится, — тихо сказала Елена. — Он будет называть имена. И люди будут умирать. А потом... потом он вырвется наружу.

Андрей посмотрел на мусоропровод. Чёрная крышка, холодный металл, тёмная пасть, ведущая вниз. Он вспомнил слова, которые слышал ночью: «Мы голодны». И понял, что это только начало. Что впереди — долгая, страшная зима, и им придётся искать способ выжить в доме, который стал домом для чего-то иного.

В субботу Тамара Ивановна умерла. Инсульт. Врачи сказали, что это было мгновенно, что она не мучилась. Но Андрей знал, что это ложь. Он слышал, как голоса смеялись ночью, как они чавкали и хвалили угощение. Он знал, что Тамара Ивановна умирала в страхе и боли, потому что мусоропровод не просто забирал жизнь — он забирал всё, что было в человеке. Всё до капли.

После её смерти голоса на время затихли. Два дня в до-

ме было тихо — только обычные звуки: лифт, шаги соседей, лай собаки во дворе. Андрей почти поверил, что всё закончилось. Что мусоропровод насытился и замолчал навсегда.

Но на третий день, в понедельник, он услышал новый голос. На этот раз он говорил не о чужих. Он говорил о них.

— ...Андрей Сергеевич... — бормотал голос. — ...сорок два года... среда... падение с высоты...

Андрей замер. Он стоял в коридоре, держа в руке пакет с мусором, который собирался выбросить. Пакет выпал из его рук, и мусор рассыпался по полу — пустые бутылки, упаковки, старая газета. Но он не смотрел на мусор. Он смотрел на мусоропровод.

— ...Елена Викторовна... — продолжал голос. — ...тридцать восемь лет... четверг... остановка дыхания...

— Нет, — прошептал Андрей. — Нет, нет, нет...

— ...Варвара Андреевна... — голос стал мягким, почти ласковым. — ...тринадцать лет... пятница... утопление...

Андрей бросился в комнату Вари. Девочка сидела за столом и делала уроки, но при его появлении подняла голову, и он увидел в её глазах то же, что чувствовал сам, — леденящий ужас.

— Ты слышал? — спросила она.

Он кивнул. Горло сжало, и он не мог говорить.

— Он нас назвал, — сказала Варя. — По очереди. Сначала тебя, потом маму, потом меня.

— Я не позволю, — выдавил Андрей. — Я не позволю

этому случиться.

— Как ты остановишь? — спросила Варя. — Как?

Он не знал. Но он знал одно: он не сдастся. Он не позволит мусоропроводу забрать его семью. Даже если для этого придётся спуститься вниз, в темноту, в холод, в самую пасть этого чудовища — он сделает это.

В ту ночь он не спал. Сидел на кухне, пил крепкий чай и думал. Думал о том, что мусоропровод — это не просто портал. Это зеркало. Он отражает то, что люди прячут. И если люди прячут зло, он становится злом. Если люди прячут страх, он становится страхом. Но что, если дать ему что-то другое? Что-то светлое? Что-то, что перевесит чашу весов?

Он вспомнил, как в детстве бабушка говорила ему: «Зло нельзя победить злом. Зло можно победить только добром». Тогда это казалось ему глупой присказкой. Теперь он понял, что это была истина, которую он не хотел слышать.

Утром он сказал жене и дочери:

— Мы уедем. Сегодня же. Соберём вещи и уедем. К моей матери, в другой город. Подальше отсюда.

— А если он нас найдёт? — спросила Елена. — Если он последует за нами?

— Не последует, — сказал Андрей, хотя не был уверен в этом. — Он привязан к дому. К мусоропроводу. К стенам. Мы уедем, и он останется здесь. А потом... потом мы что-нибудь придумаем.

Они собрали вещи в спешке, бросая в сумки всё, что попа-

далось под руку. Варя взяла только книги и плюшевого медведя, которого ей подарили на седьмой день рождения. Елена — документы и фотографии. Андрей — деньги и ключи.

Когда они выходили из квартиры, голос из мусоропровода заговорил снова. На этот раз он не называл имён. Он просто смеялся. Смеялся долго, раскатисто, злорадно, как смеётся охотник, увидевший, что дичь попала в ловушку.

— ...вы вернётесь... — сказал он. — ...все возвращаются... вы не сможете жить в другом месте... вы уже наши... вы уже часть нас...

Андрей захлопнул дверь и запер её на все замки. Они спустились по лестнице, не дожидаясь лифта. Во дворе было светло и обыденно — дети играли в песочнице, женщина выгуливала собаку, старик читал газету на лавочке. Никто не обращал на них внимания. Никто не знал, что они бегут из собственного дома.

Они доехали до вокзала на такси. Купили билеты на ближайший поезд. И когда поезд тронулся, увозя их из города, Андрей посмотрел в окно и увидел, как их дом — семнадцатизэтажная башня с зелёными контейнерами во дворе — медленно уплывает вдаль, уменьшается, пока не превращается в точку на горизонте.

Он думал, что они спаслись. Что кошмар остался позади. Но глубоко в душе, где-то на самом дне, он знал, что это не так. Мусоропровод не отпустил их. Он просто ждал. Ждал, когда они вернутся. Потому что такие места не отпускают

просто так. Они ждут. И они всегда голодны.

В поезде Варя заснула, положив голову на плечо отца. Елена смотрела в окно, на проплывающие мимо поля и перелески. Андрей держал дочь за руку и думал о том, что теперь их жизнь разделилась на «до» и «после». До — это была обычная жизнь с её мелкими проблемами и радостями. После — это была жизнь на бегу, жизнь в страхе, жизнь с оглядкой.

Он не знал, что будет дальше. Не знал, найдут ли они убежище. Не знал, хватит ли у него сил защитить семью. Но он знал одно: он не вернётся в тот дом. Никогда. Даже если весь мир будет умолять его.

А поезд всё шёл и шёл, унося их всё дальше от города, от новостройки, от мусоропровода, который остался стоять в тёмном коридоре, прислушиваясь к тишине, ожидая новых жильцов, новых грехов, новой пищи.

И в этой тишине, в пустой квартире, где ещё пахло краской и надеждой, мусоропровод улыбался своей металлической улыбкой. Он знал, что голод — это не страшно. Страшно — это когда ты один. А он не был один. В нём жили тысячи голосов. Тысячи жизней. Тысячи грехов.

И он ждал.

Глава 2. Чужие стены

Поезд шёл на восток, разрезая пространство полей и перелесков, и в его мерном стуке Андрею чудился ритм, который он слышал в мусоропроводе, — глухой, настойчивый, будто кто-то ворочался в тесной каморке. Он сидел у окна, глядя на проносящиеся мимо деревни и полустанки, и пытался убедить себя, что всё осталось позади. Но память не отпускала. Она цеплялась за каждую деталь: чёрную крышку люка, холод металла под ладонью, голос, называвший их имена.

Варя спала, положив голову ему на плечо. Во сне она хмурилась и иногда вздрагивала, будто видела что-то неприятное. Елена сидела напротив, глядя в окно невидящим взглядом. За последние дни она осунулась, под глазами появились тёмные круги, и в уголках губ залегла горькая складка, которой раньше не было.

— Ты думаешь, мы правильно поступили? — спросила она тихо, чтобы не разбудить Варю.

— Не знаю, — честно ответил Андрей. — Но оставаться там было нельзя. Ты сама слышала, что он говорил.

— Слышала, — Елена передёрнула плечами, как от холода. — Я до сих пор это слышу. Даже сейчас. Как будто он в голове поселился.

Андрей промолчал. Он и сам слышал — не ушами, а где-

то глубже, в самой глубине сознания, — тихое бормотание, которое не прекращалось ни днём, ни ночью. Оно было как шум моря в раковине: стоит приложить ухо — и слышно. Только здесь раковиной была его собственная голова.

Поезд прибыл в город ранним утром, когда солнце только поднималось над крышами, окрашивая их в бледно-розовый цвет. Город был старый, провинциальный, с низкими домами, широкими улицами и тополями, которые росли вдоль тротуаров, подметая их длинными ветвями. Здесь время текло медленнее, люди говорили неторопливо, и воздух пах не бензином и строительной пылью, а сиренью и пылью дорог.

Мать Андрея, Валентина Петровна, жила в двухкомнатной квартире на первом этаже пятиэтажки, построенной ещё в шестидесятых. Дом был старый, но крепкий, с толстыми кирпичными стенами и высокими потолками. Во дворе росли яблони, и под ними стояли лавочки, на которых по вечерам сидели старухи и обсуждали всё на свете — от цен на крупу до политики.

Валентина Петровна встретила их на пороге. Ей было шестьдесят восемь, но выглядела она моложе — прямая спина, живые глаза, седые волосы, убранные в аккуратный пучок. Она была женщиной практичной, не склонной к сантиментам, и всю жизнь считала, что все проблемы можно решить, если хорошенько подумать и не паниковать.

— Ну, наконец-то, — сказала она, обнимая сына. — Я уж думала, вы никогда не приедете. Звоню, звоню — телефон

не отвечает. Я себе места не находила.

— Прости, мам, — сказал Андрей, целуя её в щёку. — Было не до звонков.

— Вижу, что не до звонков, — Валентина Петровна оглядела их — бледных, осунувшихся, с тенями под глазами. — Что случилось? Выглядите так, будто месяц не спали.

— Потом расскажу, — сказал Андрей, бросив взгляд на Варю, которая стояла чуть поодаль, прижимая к груди плюшевого медведя. — Это долгая история.

— Ну, долгая так долгая, — согласилась Валентина Петровна, хотя по её лицу было видно, что она не удовлетворилась ответом. — Проходите, не стойте на пороге. Я борщ сварила. С дороги надо поесть.

Квартира Валентины Петровны была полной противоположностью их новостройке. Здесь всё было старым, но живым: скрипучий паркет, который помнил ещё молодость хозяйки; тяжёлый буфет с посудой, за стеклом которого стояли хрустальные бокалы и фарфоровые статуэтки; диван с продавленными пружинами, на котором так удобно было сидеть, уютно устроившись с ногами. Пахло борщом, пирогами и старыми книгами. Здесь не было мусоропровода — в пятиэтажке его никогда не было. Мусор жильцы выносили во двор, в контейнеры, которые стояли под навесом у забора.

Варя, войдя в квартиру, сразу немного ожила. Она всегда любила бывать у бабушки — здесь было спокойно, безопасно, здесь пахло детством. Она прошла в маленькую комнату,

которую Валентина Петровна отвела ей, и села на кровать, прижимая к себе медведя.

Андрей и Елена остались на кухне. Валентина Петровна разливала борщ по тарелкам, поглядывая на них с тревогой.

— Ну, рассказывайте, — сказала она, ставя перед ними тарелки. — Что у вас стряслось? На работе проблемы? Или с квартирой что-то?

Андрей переглянулся с женой. Елена едва заметно кивнула.

— Мам, — начал Андрей, — это трудно объяснить. Ты, наверное, не поверишь.

— Я всякое повидала, — ответила Валентина Петровна, садясь напротив. — Говори как есть.

И Андрей рассказал. Сначала сбивчиво, перескакивая с одного на другое, потом всё более связно, по мере того как слова находили нужную форму. Он рассказал о переезде, о первом странном звуке, о голосах, о том, как мусоропровод назвал имя Николая Петровича, а потом Тамары Ивановны. О том, как голоса назвали их собственные имена и даты смерти. О том, как они бежали, бросив всё, не оглядываясь.

Валентина Петровна слушала молча. Лицо её оставалось непроницаемым, но в глазах появилось что-то новое — не страх, а настороженность, как у человека, который услышал нечто знакомое, но не может вспомнить, где и когда он это слышал.

— Мусоропровод, говоришь, — сказала она, когда Ан-

дрей закончил. — Голоса. Имена. Даты.

— Да, мам. Я знаю, это звучит как бред. Но это правда. Мы все это слышали. Втроём.

Валентина Петровна встала, подошла к буфету и достала оттуда старую жестяную коробку из-под чая. Коробка была потёртой, с облупившейся краской, и, судя по тому, как бережно хозяйка держала её в руках, хранилось в ней что-то важное.

— Я тебе кое-что расскажу, — сказала она, садясь обратно за стол. — Ты, наверное, не помнишь, а может, и не знал никогда. Твой дед, мой отец, работал в жилищной конторе. Всю жизнь. И он рассказывал одну историю. Я тогда маленькая была, не понимала, а потом забыла. А сейчас ты говоришь — и я вспомнила.

Она открыла коробку. Внутри лежали старые фотографии, пожелтевшие от времени, и несколько сложенных вчетверо листков бумаги, исписанных выцветшими чернилами.

— Это его записи, — сказала Валентина Петровна. — Он вёл дневник. Не каждый день, а когда что-то важное случилось. Я его не читала толком. Только после его смерти перебирала вещи и наткнулась. Начала читать, но там такое... Я испугалась и убрала. Думала, никогда больше не понадобится.

— Что там? — спросил Андрей, чувствуя, как внутри всё сжимается от дурного предчувствия.

— Он писал про один дом, — ответила Валентина Пет-

ровна, разворачивая один из листков. — В нашем городе. Старый дом, на улице Кирова. Его снесли лет двадцать назад, а до этого там люди пропадали. Не часто, но регулярно. Сначала думали — криминал. Потом — несчастные случаи. А потом один жилец, инженер, написал заявление в милицию. Говорил, что в подвале дома поселилось что-то. Что оно говорит с людьми. И называет имена.

Андрей почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он взял листок из рук матери. Почерк был мелкий, убористый, чернила выцвели, но текст читался легко.

«Двенадцатое марта, — писал дед. — Сегодня приходил инженер из второго подъезда. Говорит, что в подвале голоса. Я ему не поверил сначала. А он мне — пойдём, сам послушай. Я пошёл. Спустились в подвал, стоим у трубы, которая в землю уходит. И правда — голоса. Тихие, будто изпод земли. Инженер говорит: они имена называют. Я прислушался — и правда, имена. Женское, мужское, детское. И даты. Инженер говорит: это они про смерть. Кто умрёт когда. Я не поверил. А через неделю одна женщина из этого дома умерла. Как раз в тот день, который голоса называли».

Андрей перевернул листок. На обороте была ещё одна запись.

«Двадцатое марта. Ходил к начальству. Говорил про подвал. Начальство сказала — не выдумывай. Но я вижу, что-то там есть. Оно растёт. Сначала голоса были тихие, как шепот. Теперь громче. Я боюсь, что оно выйдет. Надо что-то делать.

Но что?»

— Что было дальше? — спросила Елена, заглядывая через плечо Андрея.

— Дальше ничего нет, — ответила Валентина Петровна. — Дед умер через месяц. Остановка сердца. Врачи сказали — возраст. А я теперь думаю — может, оно его забрало. Потому что он слишком близко подошёл. Слишком много узнал.

В кухне повисла тишина. Только часы на стене тикали — громко, размеренно, отсчитывая секунды. Андрей смотрел на пожелтевший листок, и в голове у него не укладывалось: то, что они пережили, было не случайностью. Не единичным случаем. Это происходило и раньше. В других домах. В других городах. Мусоропровод — или подвал, или труба — был не первым. И, скорее всего, не последним.

— Мам, — сказал он, — а ты знаешь, что стало с тем домом? Ну, на Кирова?

— Снесли, — ответила Валентина Петровна. — Лет двадцать назад. Я как раз замуж выходила, помню, нам говорили, что на этом месте новый дом построят. Но так и не построили. Пустырь там сейчас. Заросший.

— А люди? Которые там жили?

— Расселили. Кого куда. Кто-то в другие районы переехал, кто-то в соседние города. Я не знаю. Я тогда молодой была, мне не до того было.

Андрей откинулся на спинку стула. В голове было пусто

и гулко, как в той чёрной пасти мусоропровода. Он думал о том, что мусоропровод в их доме — это не просто портал. Это звено в цепи. Одно из многих. И если есть цепь, значит, есть и то, что её держит. Что-то, что соединяет все эти места — подвалы, трубы, мусоропроводы — в единую сеть.

— Я должен это выяснить, — сказал он.

— Что выяснить? — спросила Елена.

— Всё. Почему это происходит. Как это остановить. Если есть другие дома, где было то же самое, значит, есть и люди, которые знают. Которые выжили. Или которые изучали это.

— Андрей, — Елена положила ладонь на его руку, — мы уехали. Мы в безопасности. Зачем ворошить прошлое?

— Потому что оно нас найдёт, — ответил он, и в его голосе была такая уверенность, что Елена вздрогнула. — Ты сама слышала, что оно сказала: «Все возвращаются». Оно не отпустило нас. Оно просто ждёт.

В ту ночь Андрей не спал. Он сидел на кухне, листал дедовы записи и думал. Валентина Петровна легла спать, Елена тоже ушла в комнату, а Варя, утомлённая дорогой, заснула быстро и крепко. Дом был тихим, только где-то далеко, на соседней улице, лаяла собака, и в форточку доносился запах ночной прохлады.

Андрей включил ноутбук — старый, с потрескавшимся экраном, который он взял с собой второпях. Подключился к домашней сети Валентины Петровны, открыл поисковик и начал искать. Сначала просто — «голоса в мусоропроводе»,

«аномальные дома», «пропажа людей в новостройках». Ничего внятного. Результаты поиска выдавали либо форумы с городскими легендами, либо статьи о психических расстройствах, либо просто мусор.

Тогда он сменил тактику. Начал искать по фразам, которые слышал от мусоропровода: «мы голодны», «мы всегда ждём», «вы уже наши». Это дало больше. Он нашёл несколько статей на малоизвестных сайтах, посвящённых городским легендам и паранормальным явлениям. В одной из них рассказывалось о доме в Подмосковье, где в подвале было что-то похожее — голоса, которые называли имена. В другой — о старом общежитии в Сибири, где в вентиляционной шахте жило «нечто, которое питается страхами жильцов». В третьей — о заброшенной больнице, где в морге якобы открылся портал, который требовал человеческих смертей.

Андрей читал, и волосы у него на голове шевелились. Это было не просто совпадение. Это был узор. Один и тот же узор, повторяющийся в разных местах, в разное время, с разными людьми. Везде — тёмное, замкнутое пространство: подвал, шахта, труба, мусоропровод. Везде — голоса, которые сначала жалуются, потом называют имена, потом требуют смертей. Везде — люди, которые сначала не верят, потом пугаются, потом либо бегут, либо погибают.

Он нашёл один форум, который показался ему особенно интересным. Он назывался «Городские тайны» и был посвящён исследованиям аномальных явлений в городах. На фо-

руме было несколько веток, посвящённых «домам с голосами». Андрей открыл одну из них и начал читать.

Пользователь под ником «Странник» писал: «Мой отец жил в таком доме в восьмидесятых. Говорил, что в подвале был люк, который вёл в старые коммуникации. Оттуда шли голоса. Сначала просто бормотание, потом слова, потом имена. Отец говорил, что это как радио — только настроенное на волну мёртвых. Он пытался замуровать люк, но голоса стали громче. Тогда он собрал вещи и уехал. Больше в тот дом не возвращался. Говорил, что если вернётся — умрёт».

Другой пользователь, подписывавшийся «Архивариус», отвечал: «Я изучал эту тему несколько лет. Могу сказать одно: это не просто голоса. Это сущность. Она существует в тёмных, замкнутых пространствах, где люди сбрасывают то, что считают мусором. Не только физический мусор — эмоциональный тоже. Страхи, обиды, грехи. Она питается этим. И растёт. Когда набирает достаточно силы, начинает говорить. Сначала — жаловаться, чтобы привлечь внимание. Потом — называть имена, чтобы показать свою власть. Потом — требовать смертей, потому что смерть — это самая концентрированная пища. В момент смерти человек отдаёт всё, что у него есть. Всю боль, весь страх, всю свою жизнь. Это для неё как пир».

Андрей почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он вспомнил, как голоса смеялись после смерти Николая Петровича. Как они говорили: «сытно», «давно так не было».

Теперь он понимал, что это значит.

Он дочитал ветку до конца. Последнее сообщение было от пользователя с ником «Свидетель». Оно было коротким: «Я жил в таком доме. В Новосибирске. Мы не уехали. Мы пытались бороться. Мы думали, что сможем его победить. Мы ошибались. Оно забрало всех. Всю семью. Я один выжил. Потому что меня не было дома, когда оно вырвалось. Я пришёл утром, а в квартире — никого. Только запах. Сладкий, тяжёлый. Как от увядших цветов. Я до сих пор его чувствую. Иногда, по ночам, мне кажется, что оно всё ещё со мной. Что оно внутри меня. И что однажды оно снова заговорит».

Андрей закрыл ноутбук. Руки у него дрожали. Он встал, подошёл к окну. За окном был тихий двор, освещённый одиноким фонарём. Яблони стояли неподвижно, и на лавочке спал бездомный кот, свернувшись клубком. Обычный мир. Обычная жизнь.

Но где-то там, в их брошенной квартире, в тёмном коридоре, мусоропровод всё ещё стоял. И ждал. И голоса всё ещё шептались. И называли имена. И требовали пищи.

Утром Андрей проснулся от того, что Варя трясла его за плечо.

— Папа, — сказала она, — бабушка странно себя ведёт.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, садясь на диване, где заснул под утро.

— Она стоит в коридоре и смотрит на стену. Говорит, что слышит голоса.

Андрей вскочил. В коридоре стояла Валентина Петровна. Она была бледна, глаза широко раскрыты, и она смотрела на стену — на то место, где в их новостройке был мусоропровод, но здесь, в старой пятиэтажке, не было ничего, кроме гладких обоев в мелкий цветочек.

— Мам, — окликнул её Андрей. — Что случилось?

— Я слышу, — сказала Валентина Петровна, не отводя взгляда от стены. — Я слышу голоса. Они говорят из стены. Как ты рассказывал. Они называют имена.

Андрей подошёл к ней, взял за руку. Рука была холодной, как металл мусоропровода.

— Какие имена? — спросил он.

— Твоё, — ответила Валентина Петровна. — И Елены. И Вари. И моё. Они говорят, что мы все умрём. Скоро. Очень скоро.

Андрей приложил ухо к стене. Сначала он ничего не услышал — только тишину, разбавленную тиканьем часов на кухне. Но потом, когда он затаил дыхание и прислушался, он услышал. Тихое, едва различимое бормотание. Голоса. Много голосов. Они говорили одновременно, перебивая друг друга, но в этом хаосе он различал отдельные слова.

— ...Андрей... Елена... Варвара... Валентина...

Он отшатнулся. Стена была обычной. Обои, бетон, кирпич. Никакого мусоропровода. Никакой трубы. Но голоса были здесь. Они нашли их.

— Оно последовало за нами, — прошептала Валентина

Петровна. — Оно не осталось в том доме. Оно пошло следом.

Андрей смотрел на стену, и в его голове билась одна мысль: «Все возвращаются». Мусоропровод не отпустил их. Он не был привязан к месту. Он был привязан к ним. К их страхам, к их грехам, к их жизни. И куда бы они ни поехали, он последует за ними. Потому что они уже были его частью. Потому что они уже были его пищей.

Он обнял мать, прижал к себе, чувствуя, как она дрожит. — Мы справимся, — сказал он, хотя сам не верил своим словам. — Мы что-нибудь придумаем.

Но где-то в глубине души он знал, что это ложь. Что от этого нельзя убежать. Что единственный способ победить — это повернуться лицом к тому, что преследует тебя. И либо победить. Либо погибнуть.

В коридоре старой пятиэтажки, среди обоев в мелкий цветочек и скрипучего паркета, стояла семья Гнездиловых и слушала, как голоса из стены называют их имена. И где-то далеко, в городе, который они покинули, в тёмном коридоре новостройки, мусоропровод улыбался своей металлической улыбкой и ждал. Он знал, что они вернутся. Все возвращаются. Рано или поздно. Потому что он — не просто портал. Он — часть их. И от себя не убежишь. Андрей стоял, прижимая к себе мать, и чувствовал, как её худые плечи вздрагивают под его ладонями. Валентина Петровна всегда была для него опорой — сильной, уверенной, никогда не теряв-

шей присутствия духа. Видеть её такой — растерянной, испуганной, — было невыносимо. Это было хуже, чем голоса в мусоропроводе. Хуже, чем смерть соседей. Потому что теперь угроза коснулась самого святого — его матери.

— Мам, — сказал он тихо, — когда ты начала это слышать?

— Сегодня ночью, — ответила Валентина Петровна, и голос её дрогнул. — Я проснулась от того, что кто-то звал меня по имени. Думала, ты. Потом поняла, что голос идёт из стены. Я встала, подошла, приложила ухо. А там... там много голосов. Они говорили все сразу. И все называли имена. Наши имена.

— Ты уверена, что это не сон? — спросил Андрей, хотя сам знал ответ. Он слышал эти голоса. Он знал, что они реальные.

— Я не сумасшедшая, — резко ответила Валентина Петровна, и в её голосе мелькнула прежняя твёрдость. — Я знаю, что слышала. И знаю, что это значит.

Она отстранилась от сына, выпрямилась, и на её лице появилось выражение, которое Андрей помнил с детства, — выражение человека, который принял решение и не собирается его менять.

— Ты говорил, что дед вёл записи, — сказал Андрей. — Там было что-то ещё? Что-то, что может помочь?

Валентина Петровна молча вернулась на кухню. Андрей пошёл за ней. Елена и Варя остались в коридоре, прислуши-

ваясь к стене. Голоса стихли, но никто из них не обманывался — они просто затаились, как зверь, который ждёт подходящего момента, чтобы напасть.

Валентина Петровна достала из буфета ту самую жестяную коробку. Открыла её, вынула несколько листков, которые Андрей ещё не читал. Они были сложены вчетверо и перевязаны тонкой бечёвкой. Бечёвка была старой, потемневшей от времени, но узел держался крепко.

— Здесь то, что дед писал в последние дни, — сказала Валентина Петровна, развязывая узел. — Я не читала. Боялась. Но теперь, видимо, придётся.

Андрей взял листки. Почерк деда стал неровным, буквы прыгали, как будто рука писавшего дрожала. Это были записи человека, который видел что-то, что сломало его. Человека, который знал, что обречён, и торопился передать то, что знал.

«Двадцать пятое марта, — читал Андрей. — Голоса стали громче. Теперь их слышно не только в подвале. Они в стенах. В трубах. Везде. Я ходил к соседям — никто не слышит. Или делает вид, что не слышит. Только инженер из второго подъезда слышит. Мы договорились встретиться завтра. Он говорит, что знает, как это остановить».

«Двадцать шестое марта. Инженер не пришёл. Я ждал его весь вечер. Утром узнал — умер ночью. Сердце. Жена говорит, что он всю ночь метался и кричал, что его зовут. Что кто-то зовёт его из подвала. Я знаю, кто. Я знаю, что оно де-

лает. Оно забирает тех, кто слишком много знает. Тех, кто может его остановить».

«Двадцать седьмое марта. Я нашёл в бумагах инженера записку. Он оставил её в почтовом ящике, перед смертью. Там написано: „Оно не может выйти, пока его кормят изнутри. Если перекрыть источник, оно ослабнет. Но источник — не мусор. Источник — мы сами. Наши страхи. Наша боль. Наша ненависть. Если люди перестанут бояться, оно умрёт. Но люди не перестанут. Люди всегда боятся. Поэтому единственный способ — уйти. Не бежать. Уйти так, чтобы оно не могло последовать. Оно привязано к месту, где его кормят. Если место исчезнет, исчезнет и оно. Дом надо снести. Стены — разрушить. Подвал — засыпать. Только тогда оно умрёт“».

Андрей перечитал записку дважды. Слова инженера были просты и страшны. Мусоропровод — или подвал, или труба — не был всемогущим. У него была привязка. Место, где он родился, где его кормили, где он рос. Если уничтожить место, уничтожится и он. Но как уничтожить мусоропровод в семнадцатипятиэтажном доме, где живут люди? Как снести стены, которые являются частью огромного здания? Как засыпать подвал, который соединён со всей системой коммуникаций?

— Это невозможно, — сказал Андрей. — Дом не снести. Там живут люди. Много людей.

— Дед думал иначе, — ответила Валентина Петровна. — Он писал дальше. Читай.

Андрей перевернул листок. Последняя запись была сделана торопливым, почти неразборчивым почерком.

«Двадцать восьмое марта. Я решил. Я подожгу дом. Ночью. Когда все будут спать. Я не могу позволить этому выйти. Я не могу позволить ему забрать всех. Пусть лучше сгорит. Пусть всё сгорит. Я готов ответить за это. Я готов гореть вместе с ним. Но я не позволю ему вырваться».

На этом записи обрывались. Андрей посмотрел на мать.

— Он поджёт дом? — спросил он.

— Нет, — ответила Валентина Петровна. — Он умер до того, как успел. Остановка сердца. Врачи сказали — возраст. Но я теперь думаю — это оно его остановило. Потому что он был готов на всё. Потому что он был слишком опасен.

Андрей отложил листки. В голове у него всё смешалось. Мусоропровод. Дед. Инженер. Поджог. Смерти. Это было слишком. Слишком много для одного человека. Слишком много для одной семьи.

— Что нам делать? — спросила Елена, которая вошла на кухню и слышала последние слова. — Поджигать дом? Там же люди. Дети. Старики.

— Я не знаю, — честно ответил Андрей. — Но я знаю одно: мы не можем сидеть и ждать. Оно назвало наши имена. Оно дало нам сроки. Мы должны что-то сделать.

— Может, вернуться? — тихо спросила Варя, стоявшая в дверях. — Может, если мы вернёмся, оно оставит бабушку в покое?

— Нет, — отрезал Андрей. — Мы не вернёмся. Ни за что.
— Тогда что? — спросила Елена. — Что мы можем сделать?

Андрей молчал. Он не знал ответа. Он знал только, что отступать некуда. Что мусоропровод — это не просто чудовище в стене. Это часть их самих. Их страхи, их грехи, их боль. И чтобы победить его, нужно было победить что-то внутри себя. Что-то, что они прятали даже от самих себя.

Он вспомнил, как голоса говорили: «вы уже наши». И понял, что это правда. Они уже были частью мусоропровода. Они уже кормили его — своими страхами, своей ненавистью, своими ссорами. Всеми теми мелкими грехами, которые они сбрасывали в него каждый день, даже не замечая.

— Мы должны перестать бояться, — сказал он тихо.

— Что? — не поняла Елена.

— Оно питается страхом. Болью. Ненавистью. Если мы перестанем бояться, если перестанем ненавидеть, если перестанем прятать... оно ослабнет. Может быть, тогда мы сможем его уничтожить.

— Это невозможно, — сказала Валентина Петровна. — Люди всегда боятся. Люди всегда ненавидят. Так устроен мир.

— Значит, надо изменить мир, — ответил Андрей. — Или хотя бы себя. Хотя бы свою семью. Хотя бы этот дом.

Он вышел в коридор. Стена, из которой доносились голоса, была обычной — обои в мелкий цветочек, краска, бетон.

Но за этой обычностью скрывалось что-то древнее, тёмное, голодное. Андрей приложил ладонь к стене. Она была холодной — как металл мусоропровода, как рука Валентины Петровны, как всё в этом мире, что соприкоснулось с ним.

— Я знаю, что ты здесь, — сказал он тихо. — Я знаю, что ты слышишь меня. Ты думаешь, что мы твои. Ты думаешь, что мы не сможем убежать. Но ты ошибаешься. Мы не убегаем. Мы идём к тебе. И мы тебя уничтожим.

Стена молчала. Но Андрею показалось, что где-то в глубине, за бетоном и кирпичом, что-то шевельнулось. Что-то большое, тёмное, древнее. И голоса — сотни, тысячи голосов — зашептали разом, но не словами. Они шептали что-то другое. Что-то, что не имело названия в человеческом языке. Что-то, что было древнее слов. Что-то, что было самым страхом.

Андрей отнял ладонь от стены. Она оставила на обоях тёмный след — как будто кто-то прикоснулся к ним грязной рукой. Но он не стал его стирать. Пусть остаётся. Пусть будет напоминанием. Пусть будет знаком того, что он не боится.

В кухне Валентина Петровна разливала чай. Руки у неё уже не дрожали. На лице появилось выражение спокойной решимости, которое Андрей помнил с детства. Она была готова бороться.

— Значит, так, — сказала она, ставя чашки на стол. — Поджигать дом мы не будем. Это глупо и опасно. Но и сидеть сложа руки не будем. Ты, Андрей, поедешь в тот город.

Найдёшь людей, которые знают. Соберёшь информацию. Я останусь здесь с Еленой и Варей. Буду следить за стеной. Если что-то изменится — сразу позвоню.

— Мам, это опасно...

— Всё опасно, — перебила Валентина Петровна. — Жизнь вообще опасная штука. Но если мы будем прятаться, оно нас достанет. Если будем бороться — у нас есть шанс.

Андрей посмотрел на мать. В её глазах была та же твёрдость, что и у деда, когда он писал свои последние записи. Та же готовность идти до конца. Та же решимость не сдаваться.

— Хорошо, — сказал он. — Я поеду. Но сначала я должен кое-что сделать.

Он вернулся в комнату, где стоял ноутбук, и открыл форум «Городские тайны». Нашёл ветку, которую читал ночью, и написал сообщение. Короткое, без лишних слов.

«Я жил в таком доме. Мусоропровод. Голоса. Имена. Смерти. Мы уехали, но оно последовало за нами. Оно в стенах. Оно везде. Кто-нибудь знает, как его уничтожить? Кто-нибудь пробовал?»

Он отправил сообщение и закрыл ноутбук. Ответа ждать было бессмысленно — форум был старым, последнее сообщение датировалось тремя годами ранее. Но он всё равно оставил его. Как бутылку с запиской, брошенную в океан. Может быть, кто-то прочитает. Может быть, кто-то ответит. Может быть, кто-то знает больше, чем он.

Ночью Андрей не спал. Он лежал на диване, глядя в по-

толок, и слушал. Стена молчала — голоса затихли, как будто чувствовали, что он не боится. Но он знал, что это ненадолго. Что они вернутся. Что они всегда возвращаются.

Утром он собрал вещи. Немного — рюкзак, ноутбук, деньги. Он не знал, сколько времени займёт поездка. Не знал, что он найдёт. Не знал, вернётся ли вообще. Но он знал, что должен ехать. Потому что сидеть и ждать было хуже всего.

Валентина Петровна проводила его до двери. Она не плакала, не причитала. Только обняла крепко и сказала:

— Будь осторожен. И помни: что бы ты ни нашёл, ты всегда можешь вернуться. Здесь твой дом. Здесь твоя семья. Здесь мы будем ждать тебя.

Андрей кивнул. В горле стоял комок, и он не мог говорить. Он вышел на лестничную площадку, спустился по ступеням, вышел во двор. Утро было свежим, солнечным, обычным. Дети шли в школу, взрослые — на работу. Мир продолжал жить, не замечая, что где-то рядом, в стенах, живёт что-то древнее и голодное.

Андрей сел в такси и назвал адрес вокзала. Машина тронулась, и он смотрел в окно на проплывающие мимо дома, деревья, людей. Обычная жизнь. Обычный мир. Но где-то в этом мире, в тёмных подвалах и узких шахтах, в мусоропроводах и вентиляционных трубах, жило что-то, что питалось человеческими грехами. Что-то, что называло имена. Что-то, что требовало смертей.

Он ехал, чтобы найти способ это остановить. Не для себя. Не для своей семьи. Для всех. Для тех, кто ещё не знал. Для тех, кто ещё не слышал голоса. Для тех, кто ещё мог спастись.

Поезд шёл на запад, возвращая Андрея туда, откуда он бежал. Он смотрел в окно и думал о том, что где-то там, в брошенной квартире, мусоропровод всё ещё стоит. И ждёт. И голоса всё ещё шепчутся. И называют имена.

Он не знал, что найдёт. Не знал, сможет ли победить. Но он знал одно: он не сдастся. Потому что сдаться означало предать всех — живых и мёртвых. Тех, кто уже стал пищей. И тех, кто ещё мог стать.

Поезд мчался сквозь поля и леса, и в его стуке Андрею слышался ритм, который он запомнил навсегда, — глухой, настойчивый, как будто кто-то ворочался в тесной каморке. Но теперь он не боялся этого ритма. Теперь он знал, что это не просто звук. Это вызов. И он его принял.

Глава 3. Город, который помнит

Поезд прибыл на место к вечеру. Андрей вышел на перрон и почувствовал, как холодный воздух ударил в лицо, пахнув дымом и сыростью. Город, в который он вернулся, был тем самым, откуда они бежали несколько дней назад. Тем самым, где стоял семнадцатитрёхэтажный дом с зелёными контейнерами во дворе. Тем самым, где в тёмном коридоре их квартиры мусоропровод всё ещё ждал, всё ещё слушал, всё ещё называл имена.

Андрей не собирался возвращаться сюда. По крайней мере, не так скоро. Но дедовы записи привели его именно сюда. Инженер из второго подъезда, который умер в ту же ночь, когда собирался встретиться с дедом, — он жил в этом городе. Точнее, его семья. Жена, дети, внуки. Кто-то из них мог знать больше. Кто-то мог хранить бумаги, которые инженер не успел уничтожить. Андрей не знал, на что надеется, но он знал, что должен попробовать.

Он вышел на привокзальную площадь. Здесь ничего не изменилось — те же ларьки с шаурмой и сигаретами, те же таксисты, предлагающие довезти до любого района за умеренную плату, те же бродяги, копошащиеся в урнах. Город жил своей обычной жизнью, не подозревая, что где-то в его чреве, в подвалах и трубах, живёт что-то древнее и голодное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.